

С.Г. Карпюк

О древней истории с любовью

В воспоминаниях антиковеда, специалиста по истории древней Греции рассказывается о причинах выбора профессии и об особенностях жизни и работы историка в позднем СССР.

Ключевые слова: историк в СССР, советское образование, Г.М. Бонгард-Левин, А.А. Вигасин, В.И. Кузищин, О.И. Савостьянова.

S.G. Karpyuk

About Ancient History with Love

The memoirs of Sergei Karpyuk, a historian of Ancient Greece, is devoted to the reasons for his choice of profession, and to life and work of a historian in the late Soviet society.

Key words: a historian in the USSR, Soviet education, G.M. Bongard-Levin, A.A. Vigin, V.I. Kuzischin, O.I. Savostyanova.

1. Выбор профессии

Древнегреческий писатель римского времени Лукиан написал в числе прочих творений автобиографический диалог «Сновидение, или Жизнь Лукиана». Почти два тысячелетия назад перед автором стояла дилемма: пойти ли учиться ремеслу скульптора, тяжелому, грязному, но дающему верный заработок, или посвятить себя риторике, восхитительному и блестящему занятию, но с невеликими шансами на жизненный успех. Лукиан предпочел риторике и даже стал знаменитым. Среди его сочинений было такое – «Как следует писать историю», между прочим, самое популярное историческое сочинение в Европе вплоть до XVIII в.

Лукиана я открыл для себя позже, а когда был школьником, зачитывался «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, которые давала старшая сестра, филолог-классик¹. Было страшно ин-

© С.Г. Карпюк, 2015

¹ Маргалит (Маргарита Георгиевна) Финкельберг (род. 1947 г.) – известный специалист по Гомеру, академик, профессор Тель-Авивского университета, редактор-составитель трехтомной «Гомеровской энциклопедии» (The Homer Encyclopedia. Oxford, 2011).

интересно, но один вопрос будоражил мою подростковую психику. Когда сестра приехала на каникулы из Москвы, я не выдержал и спросил: «Почему почти все герои античного мира умерли насильственной смертью?» Она отвечала в том духе, что зато они прославились в веках. Ответ меня не впечатлил: прославиться при такой концовке мне совсем не хотелось. Девизом нашей семьи, как и миллионов других советских семей, было «Живи незаметно» (тоже ведь в античном мире придумали!). Оно и понятно: моего деда по отцовской линии «за антисоветскую агитацию» сначала отправили в лагеря, а в 1938 г. расстреляли. Мама бежала из Варшавы в 1939 г., и вся ее родня погибла в Трешлинке или в других нацистских концлагерях.

Из рутины сравнительно благоустроенной, но весьма тоскливой жизни рабочей окраины Минска хотелось вырваться даже географически: я с детства любил долгие прогулки и часто ходил пешком в «город» (т. е. в центр), хотя мог вполне добраться туда на трамвае, троллейбусе или автобусе. Хотелось вырваться и духовно: сестра училась в МГУ и рассказывала чудесные, невообразимые в провинциальном Минске истории о диссидентах, подписантах, демонстрациях, журнальной полемике. На 50-летие отцу подарили хороший транзисторный приемник «Океан» – это был, в сущности, подарок мне: Би-Би-Си, «Голос Америки», «Немецкая волна» и даже экзотическое «Радио Канады», которое не глушили, стали ценными источниками информации. Так что политикой стал интересоваться рано, и первый мой опыт историописания был связан с историей более чем современной. Неведомо тогда мне было, что хроники, анналы всегда предшествовали историческим сочинениям. И в данном конкретном случае *в начале была хроника*, «Хроника текущих событий» – пожалуй, самое знаменитое подпольное диссидентское издание советского периода.

Весной 1970 г. в тихом Минске произошло событие неслыханное и невиданное: политическая демонстрация старшеклассников, выразивших протест против убийства как будто бы по политическим мотивам их соученика Максакова (парня, похоже, забили до смерти милиционеры, обнаружив у него антисоветские листовки). Из Москвы специально приехала сестра и попросила (поручила!) через знакомых выяснить подробности. В моей школе в

пролетарском районе никто об этом событии слыхом не слыхивал, но, к счастью, я посещал лучшие в то время в городе курсы английского языка при Доме офицеров и дружил с ребятами из престижных школ центра. Происшествие было экстраординарным для Минска, расспросы никого не удивили, и друзья поведали мне подробности. Событие обросло легендами, так что пришлось рассмотреть полученную информацию с точки зрения правдоподобия. Более или менее стройная версия с точными топографическими координатами, но со слегка сомнительными деталями, была передана сестре и опубликована в четырнадцатом выпуске «Хроники текущих событий», датированным 30 июня 1970 г. «Хронику текущих событий» сестра с мужем, аспиранты МГУ, перепечатывали на пишущей машинке «Оптима» (на папиросной бумаге, каждая закладка – несколько экземпляров). Так что первичный опыт работы с источниками по современной истории был приобретен, однако возможности и, соответственно, желания заниматься историей этого периода не было: даже мысль о том, что при моей жизни можно будет беспристрастно описывать современную историю своей страны, находясь внутри ее, казалась мне абсолютно несбыточной.

А потом была античность. В центре города Минска стоял (и стоит поныне!) свой Парфенон, Парфенончик – помпезный и нефункциональный Дворец культуры профсоюзов. Этот образец позднего «репрессанса», может, и впечатлял, но уж совсем не завораживал. Летом 1970 г., в последние школьные летние каникулы, я отправился в «поезде дружбы» («Фройндшафтцуг») в Восточный Берлин и Потсдам на месячную поездку в Германскую Демократическую Республику («социалистическую» Восточную Германию). А там, в Берлине, был Музейный остров с «Вратами Иштар» и Пергамским алтарем. Я даже как-то смог выделиться из массы сверстников и однажды поправил переводчика, сказав, что по-русски следует говорить «Вавилон», а не «Бабилон». Меня за это очень зауважала симпатичная черноволосая девушка из нашей группы, и я был несказанно горд. Впрочем, ее уважение быстро переключилось на кого-то другого, но осознание того, что девочкам могут нравиться и умные тоже, толкало на путь познания. Туда же толкал и Пергамский алтарь: он завораживал, притягивал, почему-то тревожил; не хотелось уходить из этого зала.

Приходило понимание: чем древнее исторический период, изучению которого ты себя посвятишь, тем больше возможностей быть объективным и свободным. Глоток свежего воздуха можно было вдохнуть только прикоснувшись к древним текстам и понюхав затхлый воздух древних цивилизаций, так что летом 1971 г. на истфак МГУ я поступал с твердым намерением отдаться изучению истории древней Греции. Родители ожидали провала и предлагали поступать в Минске в политехнический институт. Но мне удалось набрать проходной балл и избежать судьбы инженера. Сестра, сама филолог-классик, от античности отговаривала: на средних веках – знаменитый Гуревич², отечественная история гораздо перспективнее. Но выбор был сделан, в 1976 г. я закончил истфак МГУ по кафедре истории древнего мира, в 1984 г. – почти полностью – защитил кандидатскую диссертацию, а с 1990 г. даже стал работать прямо по специальности, в Академии наук. Так что мне повезло, почти как Лукиану.

Вопрос, который никогда не приходил в голову, так это вопрос о том, кому вообще-то нужна история древней Греции. И меня об этом всерьез спрашивали лишь дважды, правда, при примечательных обстоятельствах. В первый раз – отец. Я учился еще на втором курсе, приехал на каникулы домой и стал – что случилось крайне редко – рассказывать о выбранной специальности. Отец, инженер-строитель, вернул меня с небес на землю: «Кому нужна твоя древняя Греция? Может, историей КПСС займешься? Тогда везде работу найдешь!» В его совете не было ни грана идеологии, только практичность. Мама исходила из того же, но возразила в том смысле, что история древней Греции при любой власти пригодится. Мы с отцом опешили. Об эмиграции в 1972 г. речь не шла, а мысль о том, что что-либо может нам пригодиться при любой другой власти, кроме советской, казалась настолько абсурдной и кощунственной, что возражений не требовала. Следует учесть, что моя мама до семнадцати лет жила в Польше, так что ее кругозор по части политических режимов был неслыханно широким для рядового советского человека.

² Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006) – медиевист, ученик А.И. Неусыхина, с 1969 г. работал в Институте всеобщей истории АН СССР. Наиболее важные работы 1970-х гг.: «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» (1970) и «Категории средневековой культуры» (1972).

Второй раз этот ритуально-риторический вопрос возник десятилетие спустя, 19 апреля 1982 г., и задал мне его майор КГБ на допросе в Лефортовской тюрьме. В то день шел я из дому по направлению к станции метро «Улица 1905 года», чтобы направиться в Историческую библиотеку, неспешно размахивая своим знаменитым в кругу друзей потрепанным кожаным портфелем, в котором (и это есть истина, проверенная практикой) могло поместиться двенадцать бутылок шампанского. Впрочем, после первого допроса 6 апреля 1982 г. (подробнее об этом рассказано далее) поводов пить шампанское не возникало, а в портфеле лежал черновой вариант моей кандидатской диссертации, посвященной истории Афин в последней трети VI века до н. э. – в ближайшее время собирался выходить на защиту. Но, как говорилось, советский гражданин предполагает, а КГБ располагает соответствующими показаниями. Двое молодых людей настойчиво пригласили меня сесть в серую «Волгу» и повезли в сторону Лефортова. Оказался я в большой и плотно набитой начальством комнате. На меня стали кричать (реально), топтать ногами (фигурально) и – самое главное – предъявили признание моего однокурсника. В конце непростого разговора прибывший из Харькова майор Гарус (впоследствии он проводил у меня обыск) по своей провинциальной настойчивости ли, наивности ли, попросил продемонстрировать содержимое моего портфеля. Обнаружив там черновик диссертации об афинском законодателе Клисфене, он был крайне разочарован и обреченно спросил: «Зачем Вам это всё надо?» (имея в виду древнюю историю). Я ответил, что не знаю. В сущности, я до сих пор не знаю ответа на вопрос, зачем надо изучать историю древней Греции. Просто люблю свою профессию.

Разве история учит? Никого она еще толком не научила! Только два близких мне примера: древние греки жили в сравнительно холодном климате, мерзли зимой, снег им был не в диковинку. А потом наступило потепление римского времени, климат стал более теплым и комфортным. И что? Случилась ли от этого гибель цивилизации? Приспособились, не дикари ведь! И мы к глобальному потеплению (или похолоданию) приспособимся. И еще: афинская демократия – политический режим, не свободный от всяческих недостатков; зависть, подлость, карьеризм и доноительство цвели тогда в Афинах пышным цветом. Но именно

этот режим давал наилучшую для того времени возможность для развития человеческой личности. Между прочим, все критики этого режима там же, в Афинах, и жили. А мы до сих пор пытаемся сделать (или представить хотя бы) демократию идеальной. В действительности, всё, наверное, гораздо проще: мне и вам – и всему человечеству – просто интересна история собственная и не только. А интерес специальных разъяснений не требует.

Приложение 1

ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека, статья 19

ВЫПУСК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

30 июня 1970 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

Арест АНДРЕЯ АМАЛЬРИКА. – О судьбе ПЕТРА ГРИГОРЬЕВИЧА ГРИГОРЕНКО. – Заключение ЖОРЕСА МЕДВЕДЕВА в психиатрическую больницу. – Выступления ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО. – Советская пресса о преследовании инакомыслящих в Союзе. – Изображения СТАЛИНА охраняются. – Подробности рязанского процесса. – Преследование за веру. – Из истории советской цензуры. – Внесудебные преследования. – Краткие сообщения. – Новости Самиздата. – Исправления и дополнения.

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

* * *

7 апреля в Минске был убит старшеклассник МАКСАКОВ. По официальной версии, его убил пьяный хулиган. У убитого были обнаружены листовки с требованием демократических свобод. Через несколько дней, в день похорон МАКСАКОВА, группа учащихся старших классов минских школ организовала в центре города, на улице Энгельса, рядом с ЦК КПБ, демонстрацию.

Демонстранты, собравшиеся возле кинотеатра «Новости дня», выжгли автогеном на асфальте круг и, встав в него, скандировали лозунги с требованием свободы слова и печати. Когда подоспевшая милиция начала разгонять демонстрантов, они стали кричать: «Это не Чехословакия, вы нас не разгоните». По слухам, некоторые из демонстрантов были исключены из школ. В школах Минска были проведены комсомольские собрания с целью «повышения сознательности».

Источник: <http://www.memo.ru/history/DISS/chr/>

2. Как темы исследования находят историка

Предел мечтаний любого историка – работать увлеченно по любимой теме. В действительности выбор темы ограничивается и доступностью источников и литературы, и научной актуальностью, и потребностями общества (читай: начальства); поэтому приходится идти на компромиссы. С младших курсов университета меня интересовала история архаической Греции, деяния «старших» тиранов; выбор темы диплома «Геродот о старшей тирании» казался вполне обоснованным. Тем более что подобная тема рассматривалась как источниковедческая; это позволяло не только использовать плоды изучения древнегреческого языка, но и не ссылаться на классиков марксизма-ленинизма, избегать обязательной марксистской риторики, что было «в узких кругах» в середине 1970-х гг. даже престижно.

С темой кандидатской диссертации так всё просто не получалось. Источниковедческие темы не приветствовались, и научный руководитель О.И. Савостьянова³ совместно с завкафедрой

³ Ольга Ивановна Савостьянова (1901–1992) – автор исследований по истории Понтийского царства и Малой Азии в античную эпоху, член редколлегии ВДИ.

В.И. Кузициным⁴ предложили тему по интересующему меня периоду, но более проходную: «Социально-политическая борьба в Аттике в конце VI в. до н. э.». Возражать не стал: такой поворот позволял работать над историей моих любимых архаических Афин. Заочная аспирантура МГУ, в которой я состоял с 1976 по 1980 г., не предполагала возможности трудоустройства, и А.А. Вигасин⁵ познакомил меня с Г.М. Бонгард-Левиним⁶, который работал в Институте востоковедения АН СССР и предложил заниматься греко-индийскими взаимосвязями. В результате появилась, написанная в соавторстве с Г.М. Бонгард-Левиним статья о Будде и буддизме в античной и раннехристианской литературе. Впрочем, после увольнения из Главной редакции восточной литературы (ГРВЛ) издательства «Наука» в 1982 г. актуальность восточных сюжетов для меня несколько померкла. К этому времени текст диссертации вчерне был уже готов, но защита состоялась только в 1984 г. (для защиты требовалась характеристика с нового места работы). Мой оппонент Ю.Г. Виноградов⁷ предложил переработать одну из глав диссертации для публикации в ВДИ, где в 1986 г. вышла в свет статья о социально-политической борьбе в Аттике в период клисифеновских реформ.

Однако в целом моя «профессиональная карьера» в 1982–1990 гг. не слишком способствовала углубленному изучению древней Греции. Работа на автокомбинате, в социологических службах, в Музее грузинских поселений в Москве отвлекала от античной истории, заставляла заниматься совершенно другими сюжетами: от составления планов социального развития коллектива управления торгового транспорта до поисков архивных материалов о добровольном присоединении Грузии к России. Из профес-

⁴ Василий Иванович Кузицин (1930–2013) – антиковед, исследователь древнеримской экономической истории.

⁵ Алексей Алексеевич Вигасин (род. 1946) – индолог, исследователь «Арткашастры» и дхармашастр. Автор ряда курсов по истории древнего Востока, учебников по древней истории.

⁶ Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008) – востоковед, индолог, исследователь русской исторической науки (жизнь и творчество М.И. Ростовцева), в 1988–2008 гг. – главный редактор ВДИ.

⁷ Юрий Германович Виноградов (1946–2000) – антиковед, специалист по эпиграфике, исследователь политической и экономической истории Греции и Северного Причерноморья, был заместителем главного редактора ВДИ.

сии историка-античника уходить не хотелось: в конце 1980-х с удовольствием читал лекции по истории древнего мира студентам-вечерникам Историко-архивного института (почасовиком, на кафедре Н.И. Басовской⁸), принимал участие в семинаре Г.С. Кнабе⁹, но научная деятельность в этом направлении прервалась. Теперь-то мне кажется, что подобный перерыв даже пошел на пользу, обогатил новым опытом (в области социологии, работы с архивными документами), сделал неактуальным прежний, «советский» круг тем. Такие вот своеобразные «темные века» получились.

И когда в 1990 г. Г.М. Бонгард-Левин пригласил меня в Институт всеобщей истории АН СССР, я ни секунды не колебался. Работа ответственным секретарем в «новом ВДИ» вдохновляла, но вопрос о выборе темы стоял крайне остро. Эпоха плановых тем закончилась, академические «план-карты» уже никого не интересовали, ушли в прошлое проблемы рабства и истории «непосредственных производителей». Почему-то модные тогда темы по религии и культуре меня тоже не привлекали. В домашнем архиве сохранился хронологический маркер выбора темы: черно-белые фотографии детей в зимних шубках. В тот холодный весенний день 28 марта 1991 г., после введения войск в Москву, проходила одна из самых грандиозных демонстраций: сотни тысяч людей перегородили и Садовое, и Бульварное кольцо, другие магистрали центра города. Резонно предположив, что очередей на аттракционы не будет, я отправился катать детей на пони в Московском зоопарке. И попутно стал думать о толпах, об их месте в истории: какую роль они играли в древней Греции? Тема выглядела интересной, но осуществлять ее немедленно побоялся: уж слишком непривычной и оригинальной она мне представлялась.

Академическая среда первоначально казалась чуждой, я чувствовал свое отставание от коллег, которые давно и успешно работали по избранным темам, ездили на стажировки, общались с

⁸ Наталья Ивановна Басовская (род. 1941 г.) – медиевист и историк исторической науки.

⁹ Георгий Степанович Кнабе (1920–2011) – филолог, латинист, исследователь римской культуры, переводчик. Участвовал в переводе на русский язык и издании трудов Тацита (1969). В 1986 г. выходят его очерки «Древний Рим – история и повседневность».

зарубежными учеными. Синдром неудачника? И мне показалась интересной судьба Никия, афинского стратега и государственного деятеля, погибшего в Сицилийской экспедиции; насколько обоснованно его считали неудачником и почему современные исследователи гораздо больше интересовались его удачливым современником Алкивиадом? Статья в ВДИ о Никии была опубликована, однако в мои планы не входило посвятить себя изучению политической истории Афин: уж слишком много добросовестных и качественных исследований существовало в этой сфере.

В середине 1990-х гг. решил, наконец, всерьез заняться толпами в античности: сначала терминологией (*ochlos*, *plethos*, *vulgus*, *turba*), а затем их значением в социальной истории древней Греции. По правде говоря, очень помог социологический опыт. Тема оказалась удачной и новаторской; благодаря ей удалось выиграть международный конкурс на стажировку в Центре древнегреческих исследований (The Center for Hellenic Studies) в США, затем последовали публикации на русском и английском языках.

В конце 1990-х гг. довольно неожиданно возник интерес к «политической ономастике» классических Афин. Как-то, гуляя по белорусским лесам, наткнулся на памятник советским воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Вопреки обыкновению, на нем, помимо фамилий, были обозначены имена, а не только инициалы. Меня удивило большое количество «новых», «революционных», идеологически мотивированных имен. И когда в списке афинских воинов, погибших в 409 г. до н. э., в разгар Пелопоннесской войны, наткнулся на редкое имя Гибридем (с основами *hybris* – гордыня и *demos* – народ), то появилась мысль о том, что, может быть, стоит подвергнуть анализу «новые» имена демократических Афин: после реформ Клисфена число имен с основой на *dem-* резко возросло. Тем более, что источников по распространению демократических идей в Афинах классической эпохи не так уж и много, и данные ономастики могли бы дополнить создающуюся картину. Работа над этой темой в немалой степени способствовала и написанию монографии, и завершению работы над докторской диссертацией.

В 2000-е гг., столкнувшись со сравнительно холодными и снежными зимами в разных районах Средиземноморья (Греции,

Турции, Израиле), заинтересовался проблемами климата в древности: как древние греки переносили суровые (или не очень) зимы. «Зимняя» тема способствовала интересу к описанию холодов Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Аристофаном, другими авторами, привела к появлению монографии и множества статей. Совсем недавно, в самом начале 2014 г., в связи со спорами о степени идеологического давления на российских историков у меня возник интерес к тому, как при гораздо менее благоприятных условиях выходили из положения наши предшественники в 1930–1950-е гг. Надеюсь, что результатом станет серия статей.

Мне представляется, что выбор темы исследований вполне может определяться импульсами, идущими от современности, от мира, окружающего историка. Это может придать теме определенную научную свежесть; при этом, конечно же, сама разработка темы не должна содержать признаки «модернизации» древности. Для историка античности подобный способ выбора темы исследования еще более актуален в силу «сверхизученности», насыщенности историографией подавляющего большинства сюжетов античной истории.

3. «Великий перелом»: 6 апреля 1982 г. и после

Как исследователь древней Греции¹⁰, я часто сетую на то, что в моем распоряжении слишком мало сведений для восстановления прошлого. Конечно, историк, посвятивший себя изучению событий XX в., которые произошли по меркам истории совсем недавно, располагает газетами, архивами, видеоматериалами, многочисленными воспоминаниями современников и т. д., и т. п. Тем не менее воспоминания участника событий могут оказать существенную помощь в понимании их. Даже небольшая деталь – убежден в этом – может сыграть важную роль в реконструкции событий прошлого. Я – человек не слишком публичный, скорее – обыватель, однако однажды мне довелось оказаться замешанным в громком «политическом» деле. Я не был его главным фигурантом, моя роль была вполне периферийной, однако мое имя упомина-

¹⁰ Из собственных работ укажу две, популярную и специальную: *Карпюк С.Г.* Лекции по истории древней Греции. М.: Ладомир, 1997; *Его же.* Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003.

лось западными радиостанциями, вещавшими на СССР, мне посвятил целый пассаж в своем докладе на закрытом заседании Политбюро ЦК КПСС 8 апреля 1982 г. будущий генеральный секретарь Ю.В. Андропов. Поэтому считаю своей обязанностью историка оставить письменную версию событий более чем тридцатилетней давности. Если кому-нибудь она покажется интересной или пригодится для профессиональных надобностей – буду искренне рад.

Итак, утром 6 апреля 1982 г. произошел резкий поворот как в моей собственной жизни, так и в жизни многих моих друзей и знакомых. Около 7 часов утра ко мне в квартиру (жил тогда в доме в Большом Тишинском переулке, что на Пресне, в Москве) приехали сотрудники КГБ СССР, предъявили свои удостоверения и повезли на допрос. Совершенно ошарашенного, не успевшего позавтракать, меня в сопровождении двух сотрудников «в штатском» меня посадили в серую «Волгу» и повезли. По своей наивности я полагал, что везут на Лубянку (тогдашнюю площадь Дзержинского), в главное здание КГБ, но ошибся: машина свернула в сторону от центра и помчалась по набережной реки Яузы. И только тогда я не на шутку перепугался, решив, что меня увозят из Москвы, поскольку в Москве мог чувствовать себя хотя бы относительно защищенным: здесь находились иностранные журналисты, сведения об арестах распространялись, а давление западного общественного мнения должна была учитывать даже советская партийная верхушка. В провинции, по моим представлениям, власть могла творить любые беззакония. Впрочем, машина вскоре заехала в незнакомый мне тогда район Москвы и остановилась у тюремного здания. Впоследствии я узнал, что меня привезли в Лефортовскую тюрьму (Энергетическая улица, дом 3а), следственный изолятор КГБ СССР; там тогда располагался отдел по борьбе с особо опасными политическими преступлениями. Следовательно объявил мне, что я вызван в качестве свидетеля по важному делу, и стал допрашивать.

Стоит отметить, что активным участником диссидентского движения я не был, но, конечно же, постоянно вел «антисоветские» разговоры и хранил дома кое-какую запрещенную литературу (так называемый самиздат: от «Декларации прав человека» до стихов Гумилева и Ахматовой). Кроме того, моя сестра за семь лет до опи-

сываемых событий эмигрировала в Израиль, и я опасался некоторых «оргвыводов» (т. е. увольнения с работы) по этому поводу. Однако меня стали опрашивать прежде всего о моих друзьях и однокурсниках по историческому факультету МГУ Андрее Фадине и Павле Кудюкине, работавших в то время в ИМЭМО (Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР – престижном научно-исследовательском институте, который работал по заданиям ЦК КПСС): они придерживались левых взглядов и создали подпольную организацию. Их взгляды мне не были близки, поскольку считал себя скорее либералом (в тогдашнем понимании), ничего толком о подпольной организации не знал, хотя мог догадываться о ее существовании. За несколько месяцев до указанных событий Павел Кудюкин передал мне на хранение экземпляр их нелегального журнала «Варианты», который я предусмотрительно отдал своему другу. Так что в моей квартире кагэбэшники найти его не могли, и поэтому чувствовал я себя относительно уверенно, и все возможные предположения о моем участии в организации отрицал. Но вообще-то было страшно.

Примерно до обеда мой допрос велся весьма интенсивно, а затем следователи, очевидно, занялись более перспективными линиями, я оказался не самым важным свидетелем и просто сидел в кабинете в присутствии, скорее всего, стажера. В туалет выводили только в сопровождении и, когда кто-то шел навстречу, заставляли отворачиваться к окну (вид на тюремные корпуса вполне соответствовал настроению). К часам трем я сильно проголодался и, обнаглев, стал требовать, чтобы меня покормили. Под шутки следователя о том, что меня обязательно покормят за казенный счет, мне принесли из буфета пару пирожков с яблочным повидлом и стакан компота. Под страшные мысли о том, что начинка пирожков могла содержать некие психотропные средства, я их съел (уж очень кушать хотелось)¹¹. И, в конце концов, после подписания протокола допроса, в конце рабочего дня, около 6 часов вечера, был отпущен восвояси.

Добравшись домой, поведал о произошедшем жене, но никому из друзей и знакомых звонить не стал, не без оснований опа-

¹¹ Пирожки оказались вкусными, но много лет после описываемых событий меня не тянуло к пирожкам с повидлом.

саясь прослушивания телефонных разговоров. Затем решил позвонить (но из телефона-автомата) своему другу Грише Киселеву, чтобы отнести ему находившийся у меня дома самиздат. За моими перемещениями, несомненно, следили, и все мои попытки пересаживаться с одного вида транспорта на другой были тщетными; впрочем, в какую именно квартиру известного им дома я заходил, мои преследователи не знали.

Конечно, я не осознавал весь масштаб случившейся истории, не мог предполагать, что через два дня мою скромную персону будет поминать на закрытом заседании политбюро ЦК КПСС лично Ю.В. Андропов¹², но, придя на следующий день на работу в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», ощутил некоторое внимание к себе со стороны заведующей отделом кадров.

В ближайшие дни после встреч с друзьями и разговоров на открытом воздухе (в квартире тоже ведь могли установить прослушку) мне уже представилась общая, весьма печальная для меня, картина: некоторые мои друзья и однокурсники были арестованы, у других прошли обыски, третьих, как и меня, вызывали на допрос. Западные радиостанции сообщали о волне арестов в Москве и давали комментарии, иногда правдоподобные, иногда – не очень. Телефон в моей квартире, очевидно, прослушивался. Было довольно тревожно, но, тем не менее, пытался по возможности заниматься обычными делами. Через две недели по дороге от дома к станции метро «Улица 1905 года» меня остановили два сотрудника КГБ в штатском, буквально впихнули в очередную серую «Волгу» и снова отвезли в Лефортово.

На этот раз допрос вела уже целая группа следователей и каких-то КГБ-шных начальников. Как мне потом разъяснили, были там и полковник Бобков, известный впоследствии по событиям вокруг НТВ эпохи Гусинского, и привлеченные из Харькова специалисты – полковник Похил и майор Гарус. Разговор был недолгим: мне предъявили признание П. Кудюкина в том, что он отдавал мне на хранение экземпляр подпольного журнала «Варианты» и предложили очную ставку. Следователи стали говорить о

¹² Рабочую запись этого заседания с комментариями см.: *Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. С. 492–495.*

том, как странно, что арестованный обвиняемый свидетельствует против свидетеля, а не наоборот.

Я не ожидал такого поворота событий и, по правде говоря, растерялся, тем более, что допрашивали меня довольно активно, хотя в целом корректно. Проблема заключалась в том, что хранившийся у меня экземпляр «Вариантов» (ирония заключалась в том, что я даже не удосужился его прочитать) к тому времени был уничтожен моим другом, и имя его я называть категорически не хотел: он работал в академическом институте, и мог эту престижную работу потерять. Отрицать признание П. Кудюкина я не решился: не хотел очной ставки и боялся какого-то внесудебного давления (может быть, напрасно, может быть, обоснованно). Поэтому и совершил очевидную глупость: подтвердил, что хранил дома экземпляр журнала «Варианты», а потом его уничтожил. Во всяком случае, как думал тогда (и думаю сейчас), никого не подвел, и то ладно.

После того, как я подписал признание, меня отправили в комнату ожидания уже за постом охраны, но с портретом Дзержинского (запоминающаяся такая комната, совсем не располагающая к разговорам), а затем посадили в машину и в сопровождении следователей и сотрудников КГБ повезли в прокуратуру СССР, что на Пушкинской улице (теперь ул. Большая Дмитровка), получать ордер на обыск. Ордер был скоро получен, потом поехали ко мне домой, на Пресню. Другая машина, как я потом узнал, отправилась к издательству: обыск был проведен и на моем рабочем месте. По дороге я предупредил следователей, что жена беременна, и попросил быть вежливей и мягче с ней. Эта просьба была ими выполнена.

По дороге подсели понятые, и мы въехали во двор моего дома. И тут все сидевшие в машине с изумлением увидели несколько милицеских машин и множество милицеских чинов, включая даже генерала. Оказалось, что в соседнем корпусе произошло убийство, причем был убит прокурор (соседи потом поговаривали о мести «валютчиков»). В мозгу промелькнула довольно глупая мысль о том, что хоть по этому делу у меня есть алиби.

Обыск в квартире – процедура неприятная. Впрочем, он носил формальный характер и продолжался не более 2–3 часов. Сотрудники КГБ были корректны, спорили между собой о том,

нужно ли у меня изымать паспорт при обыске (оказалось, что не нужно, поскольку я был лишь свидетелем). Обыск проводили прикомандированные из Харьковского управления КГБ (новым министром внутренних дел был назначен совсем недавно Федорчук, который, очевидно, привез в Москву свою команду). Но порядка придерживались: когда жена попросила выйти в магазин за яблоками (тогда весной было трудно купить фрукты), ей вежливо, но твердо отказали. По окончании обыска я подписал протокол: для следственных действий изъяли пишущую машинку (по закрытию дела меня вызвали в Лефортово и вернули ее) и записные книжки (их не вернули).

На следующий день, когда я пришел на работу в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», то узнал, что обыск был проведен и на моем рабочем месте. Понятно, что он произвел довольно сильное впечатление: ни до, ни после подобного события в стенах этого замечательного издательства не случалось. Под впечатлением случившегося я решил не «подставлять» вполне либеральное руководство издательства и подал заявление об уходе по собственному желанию. Наверное, это тоже было с житейской точки зрения неверно; меня, скорее всего, не уволили бы, во всяком случае, сразу, а перевели на техническую должность (издательство считалось по рангу ниже академического института, но, тем не менее, «идеологическим» учреждением, сотрудники которого должны были, безусловно, соблюдать лояльность партийному руководству). Коллеги мне сочувствовали, лишь единицы сторонились. Нужно сказать, что в тот период люди были, как правило, лучше системы.

После этого никаким явным преследованиям не подвергался. Сведения обо мне были, очевидно, занесены в базу данных КГБ, и поэтому все попытки устроиться на работу в научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, музеи были тщетными (некое подобие «запрета на профессию»). По косвенным данным можно предположить, что «под колпаком» (не очень активным наблюдением) я находился три года. Моей жене, Елене Чиковой, сотруднице «Интуриста», также грозили определенные неприятности, но она ушла в декретный отпуск (в октябре 1982 г. родилась наша дочь Анна), а потом некоторое время ей был за-

крыт выезд за границу. В ноябре 1982 г. я был принят на работу в социологическую службу Главмосавтотранса и после этого более трех лет работал инженером-социологом на автокомбинате № 30 Управления торгового транспорта. Но это, как говорится, уже другая (или почти другая) история.

Весной 1983 г. Кудюкин и Фадин были амнистированы, мне вернули пишущую машинку. Дело для меня, можно сказать, закончилось.

Приложение 2

ЗАСЕДАНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС

8 апреля 1982 года

Председательствовал тов. Черненко К.У.

Присутствовали т.т. Андропов Ю.В., Горбачев М.С., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Устинов Д.Ф., Соломенцев М.С., Капитонов И.В., Долгих В.И., Зимянин М.В., Русаков К.В.

На закрытом заседании Политбюро тов. Андропов Ю.В. проинформировал о положении с кадрами в Институте мировой экономики и международных отношений. Он доложил, что в результате тщательной проверки были получены сигналы об антисоветских настроениях научных сотрудников этого института Фадин Андрея Васильевича и Кудюкина Павла Михайловича – оба 1953 года рождения.

При проверке эти сведения получили полное подтверждение.

Из добытых по делу материалов установлено, что антисоветская деятельность этих лиц носит организованный характер и что они вовлекли в свою группу ряд других ведущих враждебную работу лиц – Кагарлицкого, Зайченко, Хавкина и других.

Участники группы избегают личного общения, имеют псевдонимы, пользуются конспиративными приемами. В течение последних двух лет они систематически готовят и распространяют антисоветские журналы «Варианты», «Левый поворот», «Социализм и будущее» по 30–50 страниц машинописного текста каждый, размножают вредную и враждебную литературу, получаемую с Запада, располагают множительной аппаратурой и средствами фотокопирования.

Фадин, Кудюкин и др. стремятся теоретически обосновать пути замены существующего в СССР строя так называемым «демократическим социализмом в интересах всех трудящихся».

В вопросах практической деятельности группа ставит задачу объединения разрозненных групп в единую организацию и обеспечения широкой связи с массами как в стране, так и за рубежом. Предпочтение отдается нелегальной деятельности, а диссидентское движение в СССР считается бесперспективным. Фадин, Шилков и Барановский допускают применение террористических методов борьбы для достижения своих целей. Редактор отдела издательства «Наука» Карпюк, принадлежащий к этой группе, в разговоре со своей близкой связью, которую он подвергал антисоветской обработке, цинично заявил, что КПСС – правящая элита, неспособная управлять обществом. У Кудюкина была обнаружена «Программа политической подготовки кадров». Группа в своих программных разработках предусматривает активное использование легальных возможностей в рамках лекций общества «Знание», использование молодежных клубов, спортивных секций.

Органами КГБ выявлено, что антисоветские взгляды у этих лиц начали складываться еще в период учебы в Московском университете и др. вузах. Все они воспитывались в обеспеченных и здоровых семьях. Отец Фадина в прошлом работал в аппарате ЦК КПСС, родители Хавкина – ведущие специалисты страны в области вакуумной техники, отец Кагарлицкого – доктор наук, профессор. Еще в период 1975–1979 гг. Фадин, Кудюкин и др. были профилактированы и предупреждены о недопустимости подобного поведения. Однако идейно не разоружились и перешли к конспиративным антисоветским методам.

КГБ имеет в виду в ближайшее время приступить к реализации дела и привлечению к уголовной ответственности наиболее активных граждан, а по остальным провести соответствующую профилактическую работу.

Источник: *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. С. 492–495.

4. Мои библиотеки

Лет пятнадцать назад на конференции в Кембридже английский коллега, ученик Мозеса Финли¹³, спросил, кто был моим Учителем, кто оказал наибольшее влияние на мое становление как историка-античника, а я затруднился с ответом. Затрудняюсь и сейчас. Истфак МГУ в годы моей учебы (1971–1976) переживал, на-

¹³ Мозес Финли (Moses I. Finley, 1912–1986) – американский и английский исследователь истории и экономики древнего мира.

верное, не самый худший период своей истории, но ярких преподавателей мне встретилось немного. Помню лекции историков-русистов М.Т. Белявского¹⁴, А.М. Сахарова¹⁵ на первом курсе, занятия по греческой эпиграфике Л.Н. Казамановой¹⁶, интересный спецсеминар по Плавту В.И. Кузищина; благодарен научному руководителю О.И. Савостьяновой за внимательное чтение моих не самых совершенных текстов, а главное, за длительные беседы за чашкой чая. Но, по крайней мере, не менее значительное воздействие оказала университетская среда, разговоры, споры, дискуссии по темам, зачастую очень далеким от древней истории. Казалось, что воздух Москвы, воздух университета сделал меня более свободным.

Огромную роль в формировании моих научных взглядов сыграли библиотеки. Вообще, московские библиотеки – это особый мир. Со студенческих лет мы общались в библиотеках, назначали там встречи, свидания. И даже в юбилейном альбоме в честь 225-летия МГУ (1980) каким-то образом оказалась моя фотография в зале университетской библиотеки 1-го гуманитарного корпуса на Ленинских горах. В каждой библиотеке была своя атмосфера, в «историчке» (ГПИБ) – одна, в ИНИОНе – другая. Всегда чувствовал себя в научных библиотеках в «своей тарелке», в своем мире, и не только в Москве, но и в Петербурге, а впоследствии и в Оксфорде, Афинах, Риме, Париже, Вашингтоне. Кстати, сам месяц работал в «Ленинке» (ныне РГБ): подбирал книги в хранении, «на ярусе».

Следует отметить, что московские библиотеки в 1970–1980-е гг. были сравнительно хорошо укомплектованы и отечественной, и зарубежной научной литературой по античности. Работал, хотя и медленно, межбиблиотечный абонемент в «Ленинке»: удавалось получать книги и из библиотеки Эрмитажа, и из европейских и американских библиотек; эти книги микрофильмировались и потом могли использоваться другими читателями. Ксе-

¹⁴ Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) – историк культуры России XVIII в., краевед Москвы.

¹⁵ Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978) – исследователь истории и культуры России XIII–XVII вв., автор работ по истории МГУ.

¹⁶ Людмила Николаевна Казаманова (1923–2007) – исследователь греческой эпиграфики и нумизматики, специалист по истории Крита.

рокопии статей, присланные иностранными библиотеками, просто отдавались на руки. Таким образом, к завершению работы над кандидатской диссертацией в начале 1980-х гг. я располагал практически всей литературой по теме. Что касается истории античности, то только московские библиотеки давали возможность полноценной работы, во всяком случае, на уровне подготовки кандидатской диссертации. В них было можно найти и издания источников, и почти полный набор современной зарубежной литературы. Даже в Ленинграде положение было существенно хуже, хотя некоторые монографии, не представленные в Москве, можно было обнаружить в Библиотеке Академии наук.

Только в исключительных случаях иностранные книги по античности попадали в «спецхран»: это означало, что для знакомства с ними необходимо было специальное разрешение, которое рядовой исследователь получить не мог. Причины в данном случае могли быть исключительно «внешними»: советских цензоров античность интересовала мало, но вполне безобидная книга английского исследователя Пола Картлиджа¹⁷ «Агесилай и кризис Спарты», изданная в 1987 г. (!), была отправлена в спецхран ИНИОНа из-за одной ссылки на Троцкого (сам видел ее в начале 1990-х гг. на выставке литературы из спецхрана).

«Железный занавес» и господство коммунистической идеологии (хотя бы и формальное) затрудняли циркуляцию научных идей и концепций в СССР, а библиотеки подобной циркуляции всячески способствовали. Советским репрессивным органам, кстати, не приходила в голову идея о лишении доступа в научные библиотеки в качестве меры наказания (как было, например, в Чехословакии после разгрома «пражской весны»). Для меня лично московские библиотеки (ИНИОН, «историчка», «Ленинка») стали настоящим прибежищем в те тяжелые месяцы 1982 г., когда я оказался без работы, «под колпаком» КГБ. В целом, необходимые для работы студента и исследователя источники и научная литература по античности были в 1970–1980-е гг. доступны, по крайней мере, в Москве, хотя поиск их требовал определенных усилий (хождение по разным библиотекам, использование межбиблио-

¹⁷ Пол Энтони Картлидж (Paul Anthony Cartledge, род. 1947) – исследователь Спарты и Афин классического периода.

течного абонемент). Многолетний опыт работы в московских библиотеках позволил мне в 1990-е гг. легко ориентироваться в библиотеках европейских и американских, и только две вещи там показались мне восхитительными новациями: свободный (а для стажеров еще и круглосуточный) доступ к книгам, а также повсеместное использование баз данных.

5. Работа моей мечты

Выбрать место работы по специальности – во все времена задача не очень простая, особенно для историка древнего мира. О работе по узкой специальности в первую половину собственной жизнедеятельности и мечтать не мог, поэтому предпочитал искать работу, во-первых, достаточно интеллигентную и, во-вторых, оставляющую время и силы для научной деятельности. Само собой, играла роль и зарплата, но в советское время сразу после окончания вуза на приличную зарплату было рассчитывать трудно, хотя необходимый минимум государство обеспечивало. Поэтому важную роль играли подработки.

Музей революции СССР. Чтобы претендовать на место в очной аспирантуре МГУ в середине 1970-х гг. сразу после окончания вуза, нужно было либо иметь «пробивного» научного руководителя (лучше всего – заведующего кафедрой), либо быть членом партии, либо осведомителем КГБ. Поскольку никакими такими достоинствами я не обладал, то, несмотря на вполне приличный диплом (часть его была впоследствии опубликована) и лучшие по кафедре оценки на вступительных экзаменах в аспирантуру, мне была предложена аспирантура заочная. Теперь очевидно, насколько мудр был завкафедрой В.И. Кузицин: находиться на периферии системы во времена позднего застоя было гораздо продуктивнее для научного развития.

Заочная аспирантура давала некоторые привилегии, но работу нужно было искать. В те времена всех выпускников вузов обеспечивали работой по распределению: место учителя сельской средней школы на бескрайних просторах СССР было нам гарантировано; если кто хотел что-то лучше, должен был сам принести запрос от какой-либо организации. Пришлось отправиться в родной Минск: зашел в университет (помню разговор с заведующим ка-

федрой Ф.М. Нечаем¹⁸ и профессором Г.М. Лившицем¹⁹), в педагогический институт. Свободных ставок нигде, понятное дело, не было (их и сейчас распределяют в Минске по благу). Помог отец, заслуженный строитель: он кого-то попросил, и мне дали распределение в только что образованный Институт культуры. Однако быстро выяснилось, что на это место претендует дочь какого-то начальника (члена местного ЦК партии или что-то в таком роде). В результате я оказался неподходящей кандидатурой, получил справку о свободном распределении, чему был несказанно рад, и убыл в Москву.

После поступления в заочную аспирантуру в конце 1976 г. некоторое время жил на птичьих правах в общежитии МГУ. В начале 1977 г. однокурсница, которая работала в Музее революции СССР, предложила попробовать устроиться к ним на временную ставку младшего научного сотрудника (вместо ушедшей в декретный отпуск сотрудницы). Меня с неохотой взяли в отдел фондов (Музей революции относился к ведению Министерства культуры и не был «режимным» учреждением), где я и проработал до конца 1978 г., целых два «декретных» срока. Документы периода Октябрьской революции и гражданской войны были достаточно любопытными: помню жуткие фотографии голодающих в Поволжье, воспоминания «участников» первого субботника: десятки из них признавались, что несли бревно вместе с Лениным. Всё это очень способствовало выработке критического отношения к сообщениям исторических источников. Коллектив был неплохим, в те времена тупая «идейность» встречалась достаточно редко. Помню, как заведующая отделом (ее муж работал в аппарате ЦК КПСС, и она с гордостью показывала нам меню цеховской столовой) потребовала сдать на хранение полученный альбом с фотографиями процесса восстановления Транссиба «белыми» после того, как мосты были взорваны отступавшими большевиками. «Он, конечно, антисоветский, но для истории важен, и, вообще, мало ли как будущее сложится», – примерно так говорила она.

Зарплата младшего научного сотрудника была небольшой (105 руб. в месяц), и другой мой однокурсник, бригадир сторо-

¹⁸ Фёдор Макарович Нечай (1905–1991) – белорусский историк раннего Рима.

¹⁹ Гилер Маркович Лившиц (1909–1983) – белорусский исследователь раннего христианства и античной философии.

жей, предложил подработку: полставки сторожа (ночь через три) за 35 руб. в месяц. К тому времени я уже был женат, и этих денег, вместе с зарплатой жены, хватало на скромное существование. Мы всегда откладывали деньги на отпуск, ездили в турпоездки по стране; особенно любили Грузию, Армению. Работать над диссертацией можно было вечерами, по выходным; заочная аспирантура позволяла за половинную оплату пользоваться лишним выходным в неделю и дополнительным отпуском. Мой «сторожевой пост» находился в замечательном месте, в Малом Козихинском переулке, рядом с Патриаршими прудами. Я там часто работал с греческими текстами, и загулявшие до позднего вечера сотрудники и сотрудницы мелиоративного треста с удивлением и подозрением взирали на объемистые тома древнегреческо-русского словаря Дворецкого. Кстати, вторым томом указанного словаря было удобно замахиваться на местных крыс (первый том слишком толстый), действовало.

О том, чтобы когда-то работать по специальности, и не чаял, но над диссертацией и тогда, и после работал с удовольствием. Время от времени приезжал с очередной главой или параграфом диссертации к научному руководителю, Ольге Ивановне Савостьяновой. Ей тогда было уже за 70, она всегда радушно принимала меня, поила чаем, угощала тортом. Абстрактные советы давать не любила, но всегда внимательно читала мои тексты, делала полезные критические замечания; ее подход был вполне позитивистским. Купеческая дочь, она пережила троих мужей, была знакома с множеством интересных людей – от Михаила Булгакова до Иосипа Броз Тито. Ее рассказы я обожал, они погружали в мифический мир «прежней Москвы».

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». В 1979 г. работа над диссертацией несколько затормозилась: после знакомства с Г.М. Бонгард-Левиним возник интерес к Востоку, А.А. Вигасин стал учить меня санскриту. Цель была одна: поступить на работу в Институт востоковедения АН СССР. Несмотря на усилия Г.М. Бонгард-Левина, меня туда не взяли: директором уже был Е.М. Примаков, и проверку на благонадежность я не прошел (думаю, из-за критической, хотя и вполне безобидной, статьи для студенческой стенгазеты еще во время учебы

на истфаке). Зато взяли на работу в гораздо менее закрытую и более либеральную Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», где работал корректором, младшим редактором, а потом и редактором до 1982 г. Работал в редакции стран Африки, что, конечно, было далеко от моих научных интересов, зато в академическом издательстве.

Работа в издательстве была достаточно интересной и, определенно, полезной: некую «школу редактирования» пройти пришлось. В ГРВЛ издавались прекрасные книги (в том числе много книг по древности), работали интересные люди: младшим редактором работала филолог-классик Татьяна Толстая, в будущем – известная писательница, редактором – китаист Илья Смирнов²⁰, сейчас – директор Института восточных культур и античности РГГУ. Атмосфера была свободной и раскованной. Помню, как жребием (!) выбирали победителя в социалистическом соревновании среди комсомольцев; мне повезло, и вместе с коллегой мы славно провели время в туристической поездке по столицам республик Прибалтики. Редакторы ходили на работу в присутственные дни (два в неделю), норма редактирования была серьезной, но не чрезмерной (по-моему, 7 или 8 авторских листов в месяц). Это позволяло один или два дня в неделю посвящать научной работе. Диссертация была почти завершена. Повысилось и материальное благосостояние: зарплата редактора составляла 170 руб., вполне терпимые по тем временам деньги. Жизнь удалась?

Автокомбинат № 30 Управления торгового транспорта Главмосавтотранса. После увольнения из издательства в апреле 1982 г. начались настоящие проблемы. Чаша уголовного преследования меня миновала (допросы, слежка и прослушка – не в счет). Однако я оказался среди многих тысяч «профилактированных» (на Западе это называлось «запрет на профессию»). Таких бедолаг (или счастливицков?), которых сажать не велено, но на приличную работу не возьмут, только в 1982 г. по всему Союзу набралось почти 20 тысяч²¹. Сначала я этого не понимал и пытался устроиться в музеи, институты, учреждения культуры. Приходилось

²⁰ Илья Сергеевич Смирнов (род. 1948) – исследователь и переводчик китайской поэзии X–XVII вв.

²¹ Лурье Л. Заморозки перед оттепелью // Огонёк. 2013. № 36 (5292). С. 34–35.

перебиваться разовыми заработками, перепродавать книги. Понятное дело, о диссертации пришлось на время забыть. Бесперспективность вызывала тоску. Помню, как мой друг и коллега Гриша Киселев предрекал: «Ну вот, будешь теперь всю жизнь работать в издательстве речного флота, редактировать расписания...» Однако даже подобный вариант трудоустройства никак не подворачивался. Наконец, друзья подсказали: попробуй устроиться социологом на завод (социологов-производственников не хватало). Несколько недель усиленных занятий в библиотеках позволили накопить хоть какие-то знания, и с ноября 1982 г. стал работать социологом на автокомбинате № 30 Главмосавтотранса. Это было время прихода к власти Андропова, борьбы за порядок: водка подешевела, но на работу надо было приходиться вовремя.

Социологическая служба Главмосавтотранса, которую возглавлял Вячеслав Щербина²², была по тем временам передовой и очень активной. Я заинтересовался социологией, и по сей день отношусь к ней с большим пиететом, но всегда оставался рядовым исполнителем. Должность инженера-социолога на автокомбинате меня устраивала. Формально зарплата была ниже (130 руб.), но квартальные премии позволяли выходить на тот же уровень доходов, что и в издательстве. Конечно же, это было производство, и требовалось ежедневное присутствие; мое рабочее место было в отделе труда и зарплаты.

Через некоторое время до меня дошло, что попал прямо в гнездо «торговой мафии»: автокомбинат обслуживал ГУМ, ЦУМ, «Детский мир», Микояновский мясокомбинат и Московский ликеро-водочный завод. Месячные доходы некоторых водителей (например, «колбасников») доходили до 700–900 руб. в месяц (при официальной зарплате 140–150 руб.). Один из них с гордостью показывал мне свою квартиру с четырьмя хрустальными светильниками (в то время признак благосостояния) в туалете.

Музей грузинских поселений в Москве. В 1987 г. мне, наконец, предложили работу в Академии наук, правда в музее при Академии наук Грузинской ССР: требовался научный сотрудник, кандидат наук, историк, не обязательно грузин, но обязательно муж-

²² Вячеслав Вячеславович Щербина (род. 1947) – исследователь социологии управления.

чина (коллектив состоял, по преимуществу, из милых московско-грузинских дам). Три года я проработал в этом замечательном учреждении, которое не пережило распад СССР. Много времени проводил в ЦГАДА (архиве древних актов, теперь РГАДА), подготовил публикацию записок митрополита Хрисанфа Неопатраского, греческого искателя приключений конца XVIII – начала XIX в., добравшегося до Тибета и Средней Азии и закончившего жизнь настоятелем монастыря в Балаклаве, в Крыму. Частые командировки в Тбилиси тоже не вызывали раздражения, но от античности всё это было слишком далеко.

Институт всеобщей истории АН СССР / РАН. К 1990 г. советская система ограничений при приеме на работу, очевидно, прекратила функционировать. Г.М. Бонгард-Левин, организовавший на базе журнала «Вестник древней истории» Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, пригласил меня стать научным сотрудником этого подразделения Института всеобщей истории, а также ответственным секретарем ВДИ. Сомнений у меня никаких не было: всего лишь через 14 лет после окончания университета я получил работу по специальности!

Центр создавался по образцу одноименного парижского научного центра под руководством Пьера Видаль-Наке²³ и мало напоминал советское учреждение. В него перешел Ю.Г. Виноградов и другие наиболее активные сотрудники сектора древней истории; в центре работали и ученые, которых не жаловали советские руководители науки (И.С. Ключков²⁴), молодые талантливые исследователи. Атмосфера была творческой, Г.М. Бонгард-Левину удалось наладить контакты с ведущими научными центрами по изучению древней истории в Западной Европе и США. Впрочем, об этом я уже писал в статье, посвященной памяти Г.М. Бонгард-Левина²⁵.

Центр существовал как подразделение ИВИ РАН, но жил вполне самостоятельно: мы чуть ли не первыми освоили компьютер, ходили на работу по выходным дням, ездили за рубеж и при-

²³ Пьер Видаль-Наке (Pierre Emmanuel Vidal-Naquet, 1930–2006) – французский историк, публицист, исследователь сознания древней Греции.

²⁴ Игорь Сергеевич Ключков (1946–2012) – ассириолог, историк Вавилонии.

²⁵ *Карюк С.Г.* ЕКОСАЕПТА: Бонгардовское двадцатилетие (1988–2008) в истории «Вестника древней истории» // ВДИ. 2010. № 1. С. 201–209.

нимали самых именитых зарубежных ученых-античников в Москве. Поэтому в общеинститутскую жизнь я включился позже, но теперь, по прошествии почти четверти века, действительно ощущаю себя старым сотрудником ИВИ РАН. Постепенно пришло понимание, что, несмотря на все недостатки академических институтов, именно здесь существует научная среда и сосредоточены наиболее значительные в России исследователи-историки.

Уж не знаю, какой напрашивается вывод из всего написанного выше. Наверное, такой: если есть у тебя твердое желание заниматься любимой профессией и ты в этой профессии что-то из себя представляешь, шанс найти себя в выбранной сфере деятельности достаточно высок.

Приложение 3

ПРЯМОЙ ЭФИР РАДИОСТАНЦИИ «ЭХО МОСКВЫ» 16 ИЮНЯ 2002 ГОДА, СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ

Проект «Одна семья времен Владимира Путина».
В прямом эфире семья Карпюк[ов]

Эфир ведет Матвей Ганапольский, участвует корреспондент Анна Савиных.

...

А. САВИНЫХ Пусть лучше они сами скажут.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ Ну, не знаю, как получается. Хорошо. Это впервые у нас такой человек. С такой профессией. А что интересного в этой древней истории?

А. САВИНЫХ Умный очень?

С. КАРПЮК Мне нравится. И я не знаю, с детства мне захотелось изучать древнюю историю. И вот как-то мечту удалось осуществить.

А. САВИНЫХ То есть, вам не нравится современная.

С. КАРПЮК Вы понимаете, я учился же в советское время. История КПСС мне, конечно же, не нравилась. И хотелось другого.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ А теперь приходится изучать, потому что это уже древняя история.

С. КАРПЮК Да, это уже для них древняя история. Для детей Октябрьская революция – это тоже древняя история.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ «Раскопки на территории музея Революции показали...»

С. КАРПЮК Да, да, да. А я и там работал, и в музее Революции работал.

А. КАРПЮК [Анна, дочка] Ты спал в кресле Калинина.

С. КАРПЮК Спал в кресле Калинина. Так что у меня такая богатая биография.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ С ума можно сойти! Так, ну, ну?

С. КАРПЮК Просто по специальности удалось работать только уже года с 90-го.

М. ГАНАПОЛЬСКИЙ А вот здесь написано: удовлетворены ли вы своей работой. И вы отвечаете, – вы можете себе представить? – да.

С. КАРПЮК Да, конечно удовлетворен.

А. САВИНЫХ А вот на самом деле интересно, потому что обычно, часто, скажем так, историки с 90-го года, наоборот, начинают заниматься чем-то посторонним, чтобы прокормиться. А вы говорите, что по специальности только с 90-го. Это как?

С. КАРПЮК Понимаете, от науки, по моему мнению, не следует ждать, что она тебя озолотит. Как от любимой женщины не следует ждать подарков, а делать ей подарки самой. Ведь наука интересна сама по себе. А деньги зарабатывать, ну, так это нужно: вот есть лекции, есть гранты, есть что-то другое.

...

Источник: <http://echo.msk.ru/programs/beseda/18795/>

6. Польза от чтения лекций

Преподавание – важнейшая часть профессии историка. Да-леко не всегда блестящий лектор является выдающимся исследователем, но ученый-гуманитарий не должен всю жизнь заниматься одной узкой темой. Именно преподавание и стимулирует расширение научного кругозора, и «держит в тонусе» (если, конечно, оно не навязывается в лошадиных дозах – тогда эффект может быть обратным). Мне всегда было немного жаль тех моих академических коллег, которые не преподают.

Но сам я оказался на этом поприще довольно поздно, после тридцати; в детстве и юности очень стеснялся своего заикания, и, по моему глубочайшему убеждению, позорно провалил в конце 1970-х гг. пробную аспирантскую лекцию для искусствоведов истфака МГУ. Однако после длительного опыта общения с рабочими и служащими автокомбината стал себя чувствовать го-

раздо увереннее и в этой сфере. И, как только во второй половине 1980-х гг. представилась возможность читать курс истории древнего мира студентам-вечерникам Историко-архивного института, я за нее немедленно ухватился. К счастью, это была почасовая подработка, на которую не распространялись ограничения для лиц, «профилактированных» КГБ: очевидно, с точки зрения тогдашнего руководства, только штатным сотрудникам было под силу осуществлять идеологические диверсии и настраивать молодое поколение против существующего режима. Кстати, благодаря этому замечательному андроповскому подходу я смог защитить в 1984 г. кандидатскую диссертацию, ибо был всего лишь заочным аспирантом.

Н.И. Басовская, заведующая кафедрой всеобщей истории, меня проинструктировала, прослушала первую лекцию и... вперед. Я старался, проштудировал знаменитый трехтомник под редакцией Дьяконова, Нероновой и Свенцицкой, зарубежные учебники. Какой-то план я представил, но полный текст лекций не требовался. Мне казалось, что студентам лекции нравились; тем более, что в то время было много слабых лекторов, читавших по старым записям.

Помню и эмоциональный фон этой новой для меня сферы деятельности. Между окончанием работы на автокомбинате и началом лекций было немалое «окно», которое я обычно проводил в коктейль-баре нового крыла гостиницы «Москва», кстати, находившегося на месте столь любимого творческой и нетворческой интеллигенцией, а также дипломатами и шпионами ресторана «Гранд-отеля»: заказывал слабоалкогольный коктейль либо глинтвейн, раскладывал записи, готовился к лекциям, воображая себя сидящим в парижском кафе, где-нибудь эдак на Монпарнасе... Увы, профессиональные историки наделены даром предвидения не в большей степени, нежели их сограждане, мало знакомые с теориями исторического развития. Мог ли я вообразить, что этот самый Париж мне лет через 15 до чертиков надоест! До того, как меня приняли в штат Института всеобщей истории в 1990 г., эти лекции не только повышали собственную самооценку, но и были той единственной нитью, которая связывала меня с профессией историка-античника.

В 1990-е гг. символическая зарплата научного сотрудника академии очень стимулировала преподавательскую активность. С благодарностью вспоминаю и умные вопросы студентов-физтеховцев, и раскованную творческую атмосферу Еврейского университета в Москве. С основания академического университета (ГАУГН) преподаю на разных факультетах, а с 2007 г. стал профессором-полставочником в РГГУ. Читаю лекции первокурсникам по истории древней Греции, веду «продвинутые» курсы и спецсеминары со студентами старших курсов. Увы, у меня почти нет опыта в ведении семинарских занятий на первом курсе; я никогда не преподавал студентам древние языки (в Москве это, как правило, прерогатива филологов-классиков).

К сожалению, заманить студентов в аспирантуру по истории античности в Москве в наше время практически невозможно. Поэтому школу создать вряд ли смогу; зато, насколько известно, мои лекции повлияли на многих историков-неантичников. Всегда пытаюсь (с переменным успехом) привлечь студентов к организованным мной научным семинарам («Миусские античные посиделки» в РГГУ, «Античность в современности» в ИВИ РАН), недавно выступил инициатором студенческо-аспирантской конференции «Античность XXI века» в Санкт-Петербурге.

Преподавание, безусловно, повлияло (и влияет сейчас) на мои научные изыскания: знакомство с широким кругом литературы по истории древнего мира (и не только) не позволяет замкнуться на узкой теме, стимулирует научное творчество; интересы студенческой аудитории подталкивают к расширению круга тем. Так что пользу от самого процесса преподавания истории древней Греции я, безусловно, получаю; получают ли ее мои студенты – судить не мне.

7. Вместо исторических выводов: палата № 7

И напоследок небольшая история (с маленькой буквы), случившаяся со мной. Те Истории, которые мне удалось описать, преисполнившись профессионального долга или стремления заработать деньги, надеюсь, полезны и даже иногда интересны. Однако они затрагивали Клисфена, Перикла, толпы афинских граждан, древнюю Грецию VI–IV вв. до н. э. в целом, а меня лично – нет. В апреле 1982 г. нашей эры мне довелось влипнуть в историю

самому, после чего волею судьбы и компетентных органов (как тогда иносказательно, но с почтением, именовали КГБ) стал работать инженером-социологом на автокомбинате № 30 Управления торгового транспорта Главмосавтотранса. За фактическую точность описания ручаюсь, диалоги придумал, исходя из того, как могли говорить действующие лица при реальных обстоятельствах. Так делал еще древнегреческий историк Фукидид, и на пальму первенства мне претендовать негоже.

День, в который эта история началась, никаких особых событий поначалу не предвещал. Сидел я утром на рабочем месте в ОТиЗе (отделе труда и зарплаты) и приходил в себя после толчи в общественном транспорте. Мысль о том, где и как бы подремать, слегка будоражила и позволяла не заснуть сразу: дочка Аня была совсем маленькой, и время от времени ей удавалось устроить родителям веселую ночьку. В комнату вошла секретарша директора, громкоголосая и длинноногая, как и полагается, протянула мне какую-то бумагу и бодро провозгласила: «Телефонограмма! Вас вызывает главный экономист Управления, оформляйте местную командировку».

Я бесповоротно проснулся, и буря разноречивых чувств и мыслей без промедления овладела мной. Как устроить так, чтобы командировку не оформлять? Завкадрами, которая относилась ко мне по-доброму, очень просила не делать этого: я все еще находился «под колпаком», и ей пришлось бы в таком случае писать отчет. В 1980-е гг. в СССР желающих писать отчеты, да еще за просто так, было немного. Впрочем, начальник отдела в комнате присутствовал, против моего отбытия явно не возражал, так что оформления командировки можно было избежать. Мысль об отлучке с рабочего места, хотя бы и в вышестоящую организацию, радовала безмерно: уехать с 5-й Кабельной улицы (название-то какое!) в центр Москвы, да не на метро, как обычно, а сесть на 45-й троллейбус и, мирно подремывая, медленно тащиться мимо чадающего «Серпа и молота», завораживающего Андроникова монастыря, классицистических полуразвалин Николоямской (тогда еще Ульяновской) улицы...

Но прежде всего следовало выяснить, по какому, собственно говоря, поводу меня вызывают. Секретарша легко раскрыла не-

великую тайну: был упомянут план социального развития. Такой поворот меня успокоил, хотя и несколько удивил. «План социального развития коллектива» – наполненная схемами, графиками и показателями на 20 лет вперед туфта, к которой серьезно никто не относился, но, как говорится, надо – значит, надо. Станным было лишь то, что по своему автокомбинату я уже отрапортовал, причем в срок, и претензий никаких высказано не было.

Приехал в Управление, захожу к экономистам; Галочка, хорошая знакомая, на месте. Отзываю, спрашиваю, в чем, собственно говоря, дело. «Как, ты не знаешь, – горячо шепчет она, – Виталий запил, его не могут найти, а нужно срочно сдавать план всего управления». Главный экономист настойчиво просит меня найти означенного Виталия К-ва, социолога Управления, кой злобно скрывается в психбольнице им. Кащенко, изъять у него черновик плана, доделать и представить всё в лучшем виде.

Тут нужно вставить (ничего не попишешь!) пару лирических отступлений: 1) о московских психлечебницах и 2) о Виталии К-ве, которые с неизбежностью сливаются в единое целое. Психбольница для меня, быть может, и не дом родной, но место (точнее, места) известные: в студенческие годы не раз навещал друзей-однокурсников и в аристократическом Покровском-Стрешневе, и в жуткой областной психушке на не помню какого номера улице 8-го Марта; про больницу им. Кащенко, царицу психиатричек, и говорить нечего. На 8-го Марта лучше не ходить без «Шурика» (одеколон «Саша» пациенты уважали страшно), в Покровском-Стрешневе прямо-таки обалдеваешь от благодати и единения с природой, в Кащенко можно проводить занятие по истории архитектуры «От эклектики к модерну», особенно, если стараться не обращать внимание на забор с сеткой, за которым буйствуют особо буйные, а в филиале «Соловьевки», что на Рублевском шоссе, – даже искупаться в Москве-реке в погожий летний день (сам пробовал).

С Виталием я впервые столкнулся тяжелой для меня осенью 1982 г., когда уже почти отчаялся найти более или менее приемлемую работу («запрет на профессию» – штука неприятная). Тогда друзья посоветовали попробовать устроиться социологом на производстве: и работа пристойная, и КГБ-шная ЭВМ (электронно-вычислительная машина, так тогда называли большие компь-

ютеры) должна «пропустить». Две недели в библиотеке – и какие-то знания о социологии в голове отложились (университет учит учиться!). Пришел в известную уже тогда социологическую службу Главмосавтотранса («тарантаса»); Вячеслав Щербина, ее руководитель, посмотрев на меня и поговорив по душам, изрек: «К К-ву. Он таких берет». Виталий взял и меня, и других, так что социологическая служба Управления торгового транспорта получилась весьма колоритной и «приветливой» (то бишь, «с приветом»), хотя обязанности свои худо-бедно выполняла.

Итак, забрал я материалы, что оказались в конторе, и вперед, на Загородное (только по названию) шоссе – в Кашценку. На территорию – проходи, кто желает, дошел до нужного корпуса – и там свобода, пациенты по дворику в домашнем расхаживают, публика интеллигентная, сразу видно – туда попал. Нахожу Виталия, выясняю, что информация о нем верна, да не совсем: было дело, выпил в Парке культуры с какими-то незнакомцами, потом те настучали по голове и куртку сняли, милиция дело завела и на службу сообщила, начальство бочку покатило, пришлось залечь на дно, в психбольницу.

– Ладно, – говорю, – что с долбанным планом делать будем?

– Как что? Составлять надо! Иначе в Управлении не поймут, – отвечает Виталий и направляется в палату.

– У тебя, часом, не палата № 6? – спрашиваю, вворачивая литературную аллюзию.

– Да нет, № 7. А ты рябиновой настойки на коньяке случайно не принес? Ваш комбинат ее развозит! Вот меня приезжали навещать с 35-го автокомбината, так живых карпов привозили в специальном полиэтиленовом пакете.

– А ты что с карпами сделал? Выпустил в пруд в скверике у входа в больницу? Съел?

– Какое там! Отдал заведующему отделением, мне больничный лист длинный нужен, – пожаловался на жизнь Виталий.

– Пить сегодня не будем! – сурово резюмировал я. – Здесь лечебное учреждение, а нам и поработать надо! Да и рябиновка куда-то сгинула в последнее время, неурожай, что ли, принес клюковку, она послабже и послаще, сам не выпьешь – дамам подаришь. Восьмое марта не за горами.

Примерно такой вот диалог был произнесен в столь достопамятном месте, после чего засели мы в палате № 7, стали план писать да графы заполнять. Некоторые из них совсем смурные были, как то: сколько швейных машинок потребуется к 2005 г. для обшивки тканью деревянных кузовов грузовиков. Или: какое количество туалетно-мест будет потребно каждому трудовому коллективу в отдельности и совокупному коллективу Управления в целом (по пятилеткам, вплоть до того же 2005 г., вписать в таблицу количество очков, т. е. дырок). Работа продвигалась быстро благодаря общепринятой в то неспешное время «среднепотолочной» методике: цифры брались с потолка. И когда конец ее уже был виден, а часы для посещения заканчивались, Виталий скомандовал:

– Перерыв, отдыхаем, устал от этого маразма.

– Ну и что, – бодро ответил я, – маразм может длиться долго, на наш век хватит, видишь, планы на двадцать лет вперед кропаем.

– Да вся эта система лет через пять накроется! Никакой строй такого маразма вынести не сможет!

В ответ я недоверчиво и обреченно вздохнул. Допридумывали мы нужные цифры, заполнили все графы, отвез я потом кипу бумаг на перепечатку машинистке, а Виталий получил больничный лист и как-то урегулировал конфликт с начальством. Шел февраль 1984 г. Не знаю, когда пропали деревянные кузова на грузовиках, но СССР пропал в 1991 г. В том же году Виталий свалил во Францию, успел пожить парижским нищим – клошаром и достать прижимистых французов до такой степени, что получил там гражданство. Теперь он зовется Виктор Летто, живет-поживает в бесплатной муниципальной квартире в арабском пригороде Парижа. Часто звонит, рассказывает то о подожженных под его окнами автомобилях, которые прекрасно горят, хотя вряд ли на них кто-либо устанавливал обитые тканью деревянные кузова, то о ближайшем закрытом полицейском участке, который боевая магрибская молодежь несколько лет назад резонно употребила для приготовления «коктейлей Молотова», то предается воспоминаниям о былом. А в 2009 г. радостно сообщил, что получил, наконец, инвалидность по линии психиатрии, что увеличило его социальное пособие аж на целых 200 евро! Так что «План социального развития коллектива Управления торгового транспорта Глав-

мосавтотранса», дописанный в палате № 7, живет и побеждает даже сейчас.

Сам я вспоминаю палату № 7, когда объясняю студентам главную причину гибели древних цивилизаций. Нет, это не развал экономики, не распад социальных связей и тем более не упадок культуры. Это – превышение допустимых пределов маразма в обществе. Люди доброй воли, помните о такой опасности! Если же вы почувствовали, что маразм крепчает, да так, что терпеть мочи нет, то задумайтесь, посмотритесь и поостерегитесь. И постарайтесь не попадать в историю. Я не шучу, а вполне серьезно советую, как историк по профессии.

1. *Картюк С.Г.* Лекции по истории древней Греции. М.: Ладомир, 1997.

2. *Картюк С.Г.* Общество, политика и идеология классических Афин. М.: ИВИ РАН, 2003.

3. *Картюк С.Г.* ЕΙΚΟΣΑΕΤΙΑ: Бонгардовское двадцатилетие (1988–2008) в истории «Вестника древней истории» // ВДИ. 2010. № 1. С. 201–209.

4. *Лурье Л.* Заморозки перед оттепелью // Огонёк. 2013. № 36 (5292). С. 34–35.

5. *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ОМСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

МИР ИСТОРИКА

Историографический сборник

Выпуск 10

Издаётся с 2005 года

2015

УДК 930.1
ББК Т1(2)6
М630

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом ОмГУ

Рецензент

д-р ист. наук, член-корреспондент РАН *Л.П. Ретина* (ИВИ РАН, г. Москва)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.П. Корзун* (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. *С.П. Бычков* (отв. ред.),
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Алеврас*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Антощенко*,
д-р ист. наук, проф. *Г.П. Мязгов*, д-р ист. наук, проф. *В.Г. Рыженко*,
д-р ист. наук, проф. *А.В. Свешников*, канд. ист. наук, доц. *С.Б. Крих*,
канд. ист. наук, доц. *М.А. Мамонтова*

М630 **Мир историка** : историографический сборник / [редкол.: В. П. Корзун (отв. ред.), С. П. Бычков (отв. ред.), Н. Н. Алеврас и др.]. – Вып. 10. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 472 с.

ISBN 978-5-7779-1832-1

Юбилейный, 10-й выпуск историографического сборника посвящен анализу предшествующей проблемной и тематической направленности издания, определению приоритетных проблемных полей, сложившихся как отражение социокультурных и интеллектуальных перемен в современной исторической науке, историографии, интеллектуальной истории. Прилагается общий библиографический список работ, вышедших за 10 лет существования издания, авторский указатель.

Выпуск также посвящен памяти выдающегося отечественного историографа Б.Г. Могильницкого (1929–2014). Публикуются статья, посвященная историографу, его отзывы на диссертации. Другими темами выпуска являются исследование общих особенностей научной деятельности, начиная со студенческих лет, взаимосвязи научного стиля с художественным творчеством, становление некоторых научных школ, образы ученых в культурной памяти современников и потомков. Одной из ключевых стала проблема успеха и неудачи в научной деятельности, их личной, социальной, политической, интеллектуальной подоплеки. Отдельный раздел посвящен рефлексии ученых о своей научной жизни в эпоху «развитого социализма», размышлениям об интеллектуальном облике советской науки. Раздел документов традиционно знакомит с неизвестными ранее историографическими источниками.

Для историков, историографов, науковедов, культурологов и всех интересующихся миром творца исторического знания.

УДК 930.1
ББК Т1(2)6

ISBN 978-5-7779-1832-1

© ФГБОУ ВПО «ОмГУ

им. Ф.М. Достоевского», 2015

© Общество интеллектуальной истории, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ (236)	5
-----------------------------------	---

Раздел 1. НАШЕМУ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМУ ЕЖЕГОДНИКУ 10 ЛЕТ

<i>Корзун В.П., Бычков С.П., Крих С.Б.</i> Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» (237).....	12
Содержание 10 выпусков (2005–2015 гг.) (238).....	29
Именной указатель авторов (239).....	49

Раздел 2. ПАМЯТИ Б.Г. МОГИЛЬНИЦКОГО

<i>Хмылев Л.Н., Николаева И.Ю.</i> Учить букве и укреплять дух (240).....	53
Рецензии и отзывы Б.Г. Могильницкого (241).....	73

Раздел 3. ТВОРЧЕСТВО В НАУКЕ И ЛИЧНОСТЬ ИСТОРИКА

<i>Сидорова Л.А.</i> Художественный образ и историческое исследование (242).....	95
<i>Попова Т.Н.</i> Личность и творчество: фрагменты персональной истории профессора Новороссийского университета А.И. Маркевича (243).....	107
<i>Кузнецов А.А.</i> К.Н. Бестужев-Рюмин, С.В. Ешевский и П.И. Мельников (Андрей Печерский) в 1840-е гг.: будущие историки и их учитель (244).....	138
<i>Антощенко А.В.</i> О значении студенческих конкурсных сочинений в формировании профессиональных историков в дореволюционных российских университетах (случай Г.П. Федотова) (245).....	168
<i>Набокина Т.А.</i> Роль Казанского университета в становлении известных уральских историков-краеведов XIX в. (246).....	190
<i>Богомазова О.В.</i> Повезло попасть в энциклопедию: формирование образа историка В.О. Ключевского в советских научно-популярных изданиях 1930–1970-х гг. (247).....	208

Раздел 4. НЕУДАЧА В НАУКЕ, ЕЕ ОБЛИК, КОНТЕКСТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И АЛГОРИТМЫ

<i>Неваров А.А.</i> Формирование, взлет и падение отечественной школы египтологии в конце XIX – начале XX в. (248).....	225
<i>Крих С.Б.</i> Как не написать главный труд всей жизни: случай академика В.В. Струве (249).....	241

<i>Телушкина О.В.</i> «Восточный ренессанс»: исчезающая актуальность (250).....	274
---	-----

Раздел 5. ИСТОРИК В ИСТОРИИ

<i>Гордон А.В.</i> От многообразия культур к культуре многообразия: развитие души, духовный опыт, исследовательская установка (251).....	294
<i>Карпюк С.Г.</i> О древней истории с любовью (252)	326
<i>Вигасин А.А.</i> Моя история (253).....	361
<i>Крих С.Б.</i> Советская ассириология и не только: интервью с Б.Р. Фостером (254).....	380

Раздел 6. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Антощенко А.В.</i> «Я старался быть объективным, как историк, и просто понять» (255).....	393
Письма-исповедь Г.П. Федотова к Т.Ю. Дмитриевой (1906–1907) (256).....	397
<i>Гришина Н.В.</i> «Слово “плагиат” было сказано...»: научная экспертиза, общественные оценки и дань традиции (на примере диспута Е.Д. Сташевского) (257).....	455
В. Чаговец. Герой спешности (258).....	458
<i>Ковалев М.В.</i> Неизданная рецензия А.В. Флоровского на книгу Л.В. Черепнина (259).....	463
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	469
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	470